

ДАНИЛОВСКИЙ БЛАГОВЕСТНИК

Преподобный
Иоанн Синайский
ЛЕСТВИЦА

Иоанн Синайский
Лествица

«Данилов мужской монастырь»
конец VI века

УДК 271.2
ББК 86.372

Синайский И.

Лествица / И. Синайский — «Данилов мужской монастырь»,
конец VI века

ISBN 978-5-89101-548-7

«Лествица» преподобного Иоанна на протяжении веков была и остается одним из самых известных и читаемых аскетических творений во всем христианском мире. Современному русскому читателю она знакома главным образом по переводу, подготовленному в Оптиной пустыни в 1850-е годы под руководством преподобного Макария. Этот перевод и переиздается в настоящей книге. «Лествица» – одно из самых известных в Православной Церкви аскетических руководств по борьбе со страстями и стяжанию добродетелей. Книга была составлена в VII веке игуменом Синайского монастыря преподобным Иоанном. Причиной ее написания явились настойчивые просьбы другого подвижника – святого Иоанна, игумена Раифского монастыря – составить «истинное руководство для последующих неуклонно, и как бы лествицу утверждenu, которая желающих возводит до Небесных врат». «Лествица» – это средоточие духовного опыта великого святого, полезного каждому христианину. «Я не постился чрезмерно, – говорит преподобный о себе, – и не предавался усиленному ночному бдению, не лежал на земле, – но смирялся... и Господь скоро спас меня». Этот Царский путь подробно описывается преподобным Иоанном Лествичником в его знаменитом руководстве ко Спасению.

УДК 271.2
ББК 86.372

ISBN 978-5-89101-548-7

© Синайский И., конец VI века
© Данилов мужской монастырь, конец
VI века

Содержание

Предисловие книги сей, именуемой «Скрижали духовные»	7
Краткое описание жития аввы Иоанна, игумена святой горы Синайской, прозванного схоластиком[4], поистине святого отца, составленное монахом Раифским Даниилом, мужем честным и добродетельным	9
О том же авве Иоанне, игумене Синайской горы, то есть Лествичнике, повествует один монах синайский, который был, как и Даниил Раифский, современником преподобному Иоанну	12
Послание святого Иоанна, игумена Раифского, к досточудному Иоанну, игумену Синайской горы	13
Ответ. Иоанн Иоанну желает радоваться	14
Подвижнические слова аввы Иоанна, игумена монахов Синайской горы, посланные им к авве Иоанну, игумену Раифскому, который побудил его к сему сочинению	16
Степень[23] 1	16
Степень 2	21
Степень 3	23
О сновидениях, бывающих новоначальным	25
Степень 4	27
О разбойнике покаявшемся	28
Об Исидоре	30
О Лаврентии	31
Об экономе	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, лествица

Преподобный Иоанн Лествичник, игумен Синайской горы. Современная греческая икона

Иллюстрация из рукописи 1647 г.

Предисловие книги сей, именуемой «Скрижали духовные»

Всем, поспевающим написать имена свои в книге жизни на небесах, настоящая книга показывает превосходнейший путь. Шествуя сим путем, увидим, что она непогрешительно руководит последующих ее указаниям, сохраняет их неувязленными от всякого преткновения и представляет нам лествицу утвержденную, возводящую от земного во Свята Святых, на вершине которой утверждается Бог любви. Сию, думаю, лествицу видел и Иаков, запинатель¹ страстей, когда покоился на подвижническом ложе². Но взойдем, умоляю вас, с усердием и верой на сей умственный и небошественный восход, начало которого – отречение от земного, а конец – Бог любви.

Преподобный отец премудро рассудил, устроивши для нас восхождение, равночисленное возрасту Господнему по плоти; ибо в образ тридцати лет Господнего совершеннолетия гадательно³ изобразил лествицу, состоящую из тридцати степеней духовного совершенства, по которой, достигши полноты возраста Господня, мы явимся поистине праведными и непреклонными к падению. А кто не достиг сей меры возраста, тот еще младенец и по точному свидетельству сердца окажется несовершенным. Мы признали за нужное прежде всего поместить в этой книге житие преподобного премудрого отца, чтобы читатели, взирая на его подвиги, удобнее поверили его учению.

---

¹ Запинать – останавливать, удерживать.

² Быт. 28, 10–13. Имя Иаков (евр.) означает «запинатель».

³ Гадательно – здесь в значении «таинственно».

Краткое описание жития аввы Иоанна, игумена святой горы Синайской, прозванного схоластиком⁴, поистине святого отца, составленное монахом Раифским Даниилом, мужем честным и добродетельным

Не могу сказать с достоверной точностью, в каком достопамятном граде родился и воспитывался сей великий муж до исшествия своего на подвиг брани, а какой град ныне покоит и нетленной пищей питает сего дивного, это мне известно. Он пребывает ныне в том граде, о котором говорит велегласный Павел, взывая: *Наше житие на небесех есть* (Флп. 3, 20). Невещественным чувством насыщается он блага, которым невозможно насытиться, и наслаждается невидимой добротой, духовно утешается духовным⁵, получив воздаяния, достойные подвигов, и почесть за труды, нетрудно понесенные⁶, – тамошнее наследие, и навсегда соединившись с теми, которых *нога ста на правоте* (Пс. 25, 12). Но как сей вещественный достиг неувещественных сил и совокупился с ними, это я постараюсь изъяснить по возможности.

Будучи шестнадцати лет телесным возрастом, совершенством же разума тысящелетен, сей блаженный принес себя самого как некую чистую и самопроизвольную жертву Великому Архиерею⁷ и телом восшел на Синайскую, а душой на небесную гору. С тем, думаю, намерением, чтобы от видимого сего места иметь пользу и лучшее наставление к достижению невидимого. Итак, отсекиши бесчестную дерзость отшельничеством, сею обладательницею наших мысленных отроковиц⁸, восприняв же благолепное смиренномудрие, он при самом вступлении в подвиг весьма благоразумно отогнал от себя обольстительное самоугодие и самоверие, ибо преклонил свою выю и вверил себя искуснейшему учителю, чтобы при благонадежном его руководстве непогрешительно переплывать бурное море страстей. Умертвив себя таким образом, он имел в себе душу как бы без разума и без воли, совершенно свободную и от естественного свойства, а еще удивительнее то, что, обладая внешней мудростью, он обучался небесной простоте. Дело преславное! Ибо кичливость философии не совмещается со смирением. Потом, по прошествии девятнадцати лет, предпослав к Небесному Царю своего учителя как молитвенника и заступника⁹, и сам он исходит на поприще безмолвия, нося сильные на разорение твердынь оружия (2 Кор. 10, 4) – молитвы великого (своего отца). И, избрав место, удобное к подвигам уединения, в пяти стадиях¹⁰ от храма Господня (место это называется Фола), он провел там сорок лет в неослабных подвигах, всегда пылая горячей ревностью и огнем божественным. Но кто может выразить словами и восхвалить сказанием труды его, там понесенные?

⁴ Схоластиками в древности назывались риторы, законоведы или вообще люди ученые. (Звездочкой отмечены примечания, имеющиеся в оптинском издании. – *Примеч. ред.*)

⁵ В слав.: *умом единым радуясь о Уме мысленно созерцаемом*. В пер. XVIII в.: *невидимо насыщается и наслаждается доброты, ум его увеселяющая*.

⁶ В пер. XVIII в.: *болезнем безболезненную почесть*.

⁷ Господу Иисусу Христу.

⁸ Т. е. страстей (см.: Слово 3).

⁹ Т. е. после кончины своего учителя.

¹⁰ Стадия – древнегреческая мера длины, равная приблизительно 150–190 м.

И как явно представить всякий труд его, который был тайным сеянием? Впрочем, хотя через некоторые главные добродетели известимся о духовном богатстве сего блаженного мужа.

Он употреблял все роды пищи, без предосуждения разрешаемые иноческому званию, но вкушал весьма мало, премудро сокрушая и через это, как я думаю, рог кичливости. Итак, малоядением угнетал он госпожу оную, то есть плоть, многого похотливо желающую, голодом вопия к ней: *Молчи, престань* (Мк. 4, 39). Тем же, что вкушал от всего понемногу, поработал он мучительство славолюбия; а пустынножитием и удалением от людей утолил он пламень сей (то есть телесной) печи, так что он совсем испепелился и угас совершенно. Милостыней и скудостью во всем потребном мужественный сей подвижник мужественно избежал идолослужения, то есть сребролюбия (Кол. 3, 5); от ежечасной смерти душевной, то есть от уныния и расслабления, восставлял он душу, возбуждая ее памятью телесной смерти, как остном¹¹; а сплетение пристрастия и всяких чувственных помыслов разрешил невещественными узами святой печали. Мучительство гнева еще прежде было в нем умерщвлено мечом послушания; неисходным же уединением и всегдашним молчанием умертвил он пиявицу паутинного тщеславия. Что же скажу о той славной победе, которую сей добрый таинник одержал над восьмой отроковицей?¹² Что скажу о крайнем очищении, которое сей Веселеил¹³ послушания начал, а Владыка небесного Иерусалима, пришедши, совершил Своим присутствием; ибо без сего не может быть побежден диавол с сообразным ему полчищем. Где помещу в настоящем нашем плетении венца источник слез его (дарование, не во многих обретающееся), которых тайное делателище и донныне остается – это небольшая пещера, находящаяся у подошвы некоторой горы. Она настолько отстояла от его келлии и от всякого человеческого жилища, сколько нужно было для того, чтобы заградить слух от тщеславия; но к небесам она была близка рыданиями и взываниями, подобными тем, которые обыкновенно выпускают пронзаемые мечами и прободаемые разженным железом или лишаемые очей. Сна принимал он столько, сколько необходимо было, чтобы ум не повредился от бдения; а прежде сна много молился и сочинял книги; это упражнение служило ему единственным средством против уныния. Впрочем, все течение жизни его было непрестанная молитва и пламенная любовь к Богу; ибо день и ночь воображая¹⁴ Его во светлости чистоты, как в зеркале¹⁵, он не хотел или, точнее сказать, не мог насытиться.

Некто из монашествующих, именем Моисей, поревновав житию Иоанна, убедительно просил его, чтобы он принял его к себе в ученики и наставил на истинное любомудрие. Подвигнув старцев на ходатайство, Моисей через их просьбы убедил великого мужа принять себя. Некогда авва повелел сему Моисею переносить с одного места на другое землю, которой требовало удобрение гряд для зелий. Достигши указанного места, Моисей без лености исполнил повеление, но как в полдень настал чрезвычайный зной (а тогда был последний летний месяц), то он уклонился под большой камень, лег и уснул. Господь же, Который ничем не хочет опечалить рабов Своих, по обычаю Своему предупреждает угрожавшее ему бедствие. Ибо великий старец, сидя в келлии и размышляя о себе и о Боге, преклонился в тончайший сон и видит священнолепного мужа, который возбуждал его и, посмеиваясь сну его, говорил: «Иоанн, как ты беспечно спишь, когда Моисей в опасности?» Вскочив немедленно, Иоанн вооружился молитвой за ученика своего; и когда тот вечером возвратился, спрашивал его, не случилась ли с ним какая-нибудь беда или нечаянность? Ученик отвечал: «Огромный камень едва не раздавил меня, когда я спал под ним в полдень, но мне показалось, будто ты зовешь меня, и я вдруг

¹¹ Остён – игла, жало, острие.

¹² То есть гордостью, которая в числе главных восьми страстей есть восьмая.

¹³ Веселеил – в дни пророка Моисея искусный мастер, которому по повелению Божию было поручено устройство скинии (Исх. 31, 1–11).

¹⁴ Воображать – здесь в значении «созерцать», «тайно зреть».

¹⁵ В пер. XVIII в.: в светлейшем душевныя чистоты своея зеркале.

выскочил из того места». Отец же, поистине смиренномудрый, ничего из видения не открыл ученику, но тайными воплями и воздыханиями любви восхвалял благого Бога.

Сей преподобный был и образцом добродетелей, и врачом, исцелявшим сокровенные язвы. Некто по имени Исаакий, будучи весьма сильно угнетаем бесом плотской похоти и уже изнемогший духом, поспешил прибегнуть к сему великому и объявил ему свою брань словами, растворенными рыданием. Дивный муж, удивляясь вере его, сказал: «Станем, друг, оба на молитву». И между тем как молитва их кончилась и страждущий еще лежал, повергшись ниц лицом, Бог исполнил волю раба Своего (Пс. 144, 19), дабы оправдать слово Давидово. И змей, мучимый биениями истинной молитвы, убежал, а недужный, увидев, что избавился от недуга, с великим удивлением воссылал благодарение Прославившему и прославленному.

Другие, напротив, подстрекаемые завистью, называли его (преподобного Иоанна) излишне говорливым и пустословом. Но он вразумил их самым делом и показал всем, что *вся может о укрепляющем всех Христе* (Флп. 4, 13). Ибо молчал в течение целого года, так что порицатели его превратились в просителей и говорили: «Заградили мы источник приснотекущей пользы ко вреду общего всех спасения». Иоанн же, чуждый прекословия, послушался и снова начал держаться первого образа жизни.

Потом все, удивляясь преуспеянию его во всех добродетелях, как бы новоявленного Моисея, поневоле возвели его на игуменство братии. И, возвысив сей светильник на свещник начальства, добрые избиратели не погрешили; ибо Иоанн приблизился к таинственной горе, вшедши во мрак, куда не входят непосвященные, и, возводимый по духовным степеням, принял богоначертанное законоположение и видение¹⁶. Слову Божию отверз уста свои, привлек Духа, отрыгнул слово¹⁷, и *из благаго сокровища* сердца своего изнес словеса *благая* (Мф. 12, 35). Он достиг конца видимого жития в наставлении новых израильтян, то есть иноков, тем одним отличаясь от Моисея, что вошел в горний Иерусалим, а Моисей, не знаю как, не достиг земного.

Дух Святой говорил его устами, свидетелями этому служат многие из тех, которые спаслись и донныне спасаются через него. Превосходным свидетелем премудрости сего премудрого и подаваемого им спасения был новый оный Давид¹⁸. Свидетелем того же был и добрый Иоанн, преподобный наш пастырь (раифский игумен). Он и убедил сего нового боговидца усильными своими просьбами для пользы братий сойти помышлением с горы Синайской и показать нам свои богописанные скрижали, в которых наружно содержится руководство деятельное, а внутренне – созерцательное¹⁹. Таким описанием покусился я в немногих словах заключить многое, ибо краткость слова имеет красоту и в искусстве витийства [а]²⁰.

¹⁶ Исх. 20, 21.

¹⁷ Пс. 118, 131; 44, 1. Ср. с ирмосом 1-й песни 4-го гласа: «Отверзу уста моя, и наполнятся Духа, и слово отрыгну Царице Матери...»

¹⁸ Полагают, что *новым Давидом* назван здесь вышеупомянутый Исаакий.

¹⁹ То есть в Лествице внешние слова поучают деятельности, а внутренний духовный разум наставляет к видению. В пер. XVIII в.: *в нейже [Лествице] письмена зримая делам поучают, а сила в письменах разумеваемая боговидению наставляет*.

²⁰ Смотри в конце книги, после Слова к пастырю, примечания к биографиям преподобного Иоанна Лествичника.

О том же авве Иоанне, игумене Синайской горы, то есть Лествичнике, повествует один монах синайский, который был, как и Даниил Раифский, современником преподобному Иоанну

Некогда авва Мартирий пришел с аввою Иоанном к Анастасию Великому, и сей, взглянув на них, говорит авве Мартирию: «Скажи, авва Мартирий, откуда этот отрок и кто постриг его?» Тот отвечал: «Он раб твой, отче, и я постриг его». Анастасий говорит ему: «О авва Мартирий, кто бы подумал, что ты постриг игумена Синайского?» И святой муж не погрешил: по прошествии сорока лет Иоанн сделан был нашим игуменом.

В другое время авва Мартирий, также взяв с собой Иоанна, пошел к великому Иоанну Савваиту, пребывавшему тогда в пустыне Гуддийской. Увидев их, старец встал, налил воды, умыл ноги авве Иоанну и облобызал его руку, авве же Мартирию ног не умывал и потом, когда ученик его Стефан спросил, почему он так поступил, отвечал ему: «Поверь мне, чадо, я не знаю, кто этот отрок, но я принял игумена Синайского и умыл ноги игумену».

В день пострижения аввы Иоанна (а он постригся на двадцатом году своей жизни) авва Стратигий предсказал о нем, что он будет некогда великой звездой.

В тот самый день, когда поставили Иоанна нашим игуменом и когда сошлось к нам около шестисот посетителей и все они сидели, вкушая пищу, Иоанн видел мужа с короткими волосами, одетого по-иудейски в плащаницу, который как некий распорядитель ходил повсюду и раздавал приказания поварам, экономам, келарям и прочим служителям. Когда те люди разошлись и служители сели за трапезу, искали сего, повсюду ходившего и раздававшего приказания, но нигде не нашли. Тогда раб Божий, преподобный отец наш Иоанн, говорит нам: «Оставьте его, господин Моисей ничего не сделал странного, послужив в своем месте».

Некогда в Палестинских странах было бездождие, авва Иоанн по прошению тамошних жителей помолился, и сошел обильный дождь. И нет ничего тут невероятного, ибо *волю боящихся Его сотворит Господь и молитву их услышит* (Пс. 144, 19).

Надобно знать, что Иоанн Лествичник имел родного брата, чудного авву Георгия, которого он еще при жизни своей поставил в Синае игуменом, сам любя безмолвие, которое и сначала уневестил себе сей премудрый. Когда же Моисей этот, преподобный игумен наш Иоанн, отходил ко Господу, тогда авва Георгий, брат его, стоял перед ним и говорил со слезами: «Итак, ты оставляешь меня и отходишь. Я молился, чтобы ты проводил меня, ибо я не возмогу без тебя, господине мой, руководить сию дружину. Но теперь мне должно проводить тебя». Авва Иоанн сказал ему на это: «Не скорби и не заботься, если буду иметь дерзновение ко Господу, то не оставлю тебя провести здесь и один год после меня». Что и сбылось, ибо на десятый месяц потом отошел и сей ко Господу [б].

Послание святого Иоанна, игумена Раифского, к досточудному Иоанну, игумену Синайской горы

Вышестественному и равноангельному отцу отцов и превосходнейшему учителю грешный Раифский игумен желает радоваться о Господе.

Зная прежде всего беспрекословное твое о Господе послушание, украшенное, впрочем, и всеми добродетелями, и в особенности там, где надлежит умножить данный тебе от Бога талант, мы, убогие, употребляем поистине убогое и недостаточное слово, припоминая сказанное в Писании: *Вопроси отца твоего, и возвестит тебе, старцы твоя, и рекут тебе* (Втор. 32, 7). И потому, припадая к тебе как к общему всех отцу и старшему в подвижничестве, сильнейшему в быстроумии и превосходнейшему учителю, сим писанием нашим молим тебя, о глава добродетелей, преподай нам, невежественным, то, что ты видел в боговидении, как древний Мой сей, и на той же горе, и изложи это в книге, как на богописанных скрижалях, в назидание новых израильтян, то есть людей, новоисшедших из мысленного Египта и из моря житейского. И как ты в оном море вместо жезла богоглаголивим языком твоим при содействии Божиим чудодействовал, то и ныне, не презирая нашего прошения, благоволи о Господе для спасения нашего благорассудительно и неленостно начертать законы, свойственные и приличные монашескому житию, будучи поистине великим наставником всех начавших такое ангельское жительство. Не подумай, будто слова наши происходят от лесты или ласкательства: тебе, о священная глава, известно, что мы чужды таких действий, но в чем все уверены, что, вне всякого сомнения, видимо всеми и о чем все свидетельствуют, то и мы повторяем. Итак, надемся о Господе скоро получить и облобызать ожидаемые нами драгоценные на скрижалях оных начертания, которые могут служить непогрешительным наставлением для истинных последователей Христовых и, как лествица, утвержденная даже до небесных врат (Быт. 28, 12), возводить произволяющих, чтобы они безвредно, безбедственно и невозбранно проходили полчища духов злобы, миродержителей тьмы и князей воздушных (Еф. 6, 12). Ибо если Иаков, пастырь бессловесных овец, видел на лестнице такое страшное видение, то тем более предводитель словесных агнцев не только видением, но и делом и истиною²¹ может показать всем непогрешимый восход к Богу. Здравствуй о Господе, честнейший отче!

---

²¹ Т. е. не только представлением образной лестницы оной в видении, но и самих добродетелей, степенями ее изображаемых, опытным и истинным описанием.

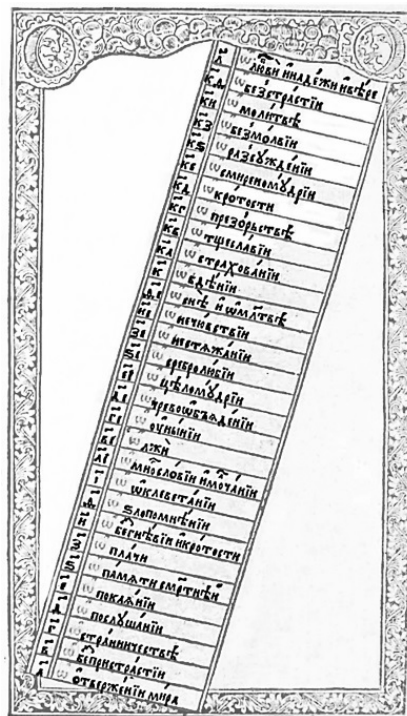
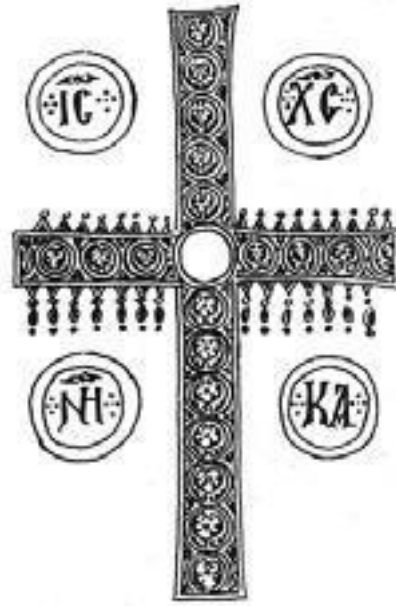
Ответ. Иоанн Иоанну желает радоваться

Получил я воистину достойное высокого и бесстрастного жития твоего и чистого и смиренного твоего сердца посланное тобою к нам, нищим и убогим в добродетелях, честное твое писание или, лучше сказать, заповедь и повеление, превосходящее нашу крепость. Так, это поистине тебе и твоей священной душе свойственно просить поучительного слова и наставления у нас, необученных и невежественных делом и словом, ибо она привыкла всегда показывать нам в себе образец смиренномудрия. Впрочем, скажу и я теперь, что если бы мы не боялись впасть в великую беду отвержением от себя святого ига послушания, матери всех добродетелей, то и не дерзнули бы безрассудно на предприятие, превосходящее нашу силу.

Тебе, дивный отче, следовало бы, спрашивая о таких предметах, научиться от мужей, хорошо познавших это, ибо мы находимся еще в разряде учащихся. Но как богоносные отцы наши и тайноучители истинного познания определяют, что послушание есть несомненная покорность повелевающим и в тех делах, которые превышают нашу силу, то мы, благочестно презревши нашу немощь, смиренно покусились на труд, превосходящий нашу меру, хотя и не думаем принести тебе какую-нибудь пользу или объяснить нечто такое, что и ты, священная глава, знаешь не меньше нас. Ибо не только я уверен, но и всякий, думаю, из здравомыслящих знает, что око ума твоего чисто от всякого земного и мрачного возмущения мрачных страстей и невозбранно взирает на божественный свет и озаряется им. Но, боясь смерти, рождающейся от непослушания, и как бы движимый сею боязнью на послушание, приступил я к исполнению всечестного повеления твоего со страхом и любовью, как искренний послушник и непотребный раб превосходнейшего живописца, и при скудном моем знании и недостаточном выражении, одним только чернилом однообразно начертав живые слова, предоставляю тебе, начальник учителей и чиновачальник, все это украсить, уяснить и, как исполнителю скрижалей и закона духовного, недостаточное восполнить. И не к тебе посылаю сей труд, нет, это было бы знаком крайнего неразумия, ибо ты силен о Господе не только иных, но и нас самих утверждать в божественных нравах и учениях, но к богозванной дружине братий, которые вместе с нами учатся у тебя, о избранный учитель! К ним-то через тебя начинаю сие слово; их и твоими молитвами, как бы некими водами надежды будучи подъемлем, при всей тяжести невежества простираю ветрило трости и со всяким молением передаю кормило слова нашего в руки доброму нашему сокормчему. Притом прошу всех читающих: если кто здесь усмотрит нечто полезное, то плод всего такого, как благоразумный, да приписывает великому наставнику нашему, а нам да просит воздаяния у Бога за сей слабый труд, не на бедность сочинения (поистине всякой неопытности исполненного) взирая, но принимая намерение приносящего, как вдовичье приношение²², ибо Бог воздает награду не множеству даров и трудов, но множеству усердия.

---

²² У прп. Паисия Величковского: *вдовическое предложение*. В печатной греч. книге [Патрология Миня]: *κνριακήν* (вероятно, вместо *χηριακήν*) *πρόθεσιν*.

Лествица добродетелей, ведущая к Небу. Иллюстрация из рукописи 1647 г.

Подвижнические слова аввы Иоанна, игумена монахов Синайской горы, посланные им к авве Иоанну, игумену Раифскому, который побудил его к сему сочинению

Степень²³ 1

Об отречении от жития мирского

1. Из всех созданных благим и преблагим и всеблагим Богом нашим и Царем (ибо слово к рабам Божиим прилично и начать от Бога) разумных и достоинством самовластия почтенных существ одни суть други Его, другие истинные рабы, иные рабы непотребные, иные совсем чужды Его, а другие, наконец, хотя и немощны, однако противятся Ему. И други Его, о священный отче, как мы, скудоумные, полагаем, суть собственно умные и бестелесные существа, Его окружающие; истинные рабы Его – все те, которые неленостно и неослабно исполняют волю Его, и непотребные – те, которые хотя и удостоились крещения, но обетов, данных при оном, не сохранили как должно. Под именем чуждых Бога и врагов Его следует разуметь неверных или зловерных (еретиков), а противники Богу суть те, кои не только повеления Господня сами не приняли и отвергли, но и сильно вооружаются против исполняющих оные.

2. Каждое из сказанных состояний требует особенного и приличного слова, но для нас, невежд, в настоящем случае бесполезно излагать это пространно. Итак, поспешим теперь исполнить повеление истинных рабов Божиих, которые благочестиво нас понудили и верой своей убедили; в несомненном²⁴ послушании прострем недостойную нашу руку и, принявши трость слова от их же разума, омочим в темновидное, но светящееся смиренномудрие; и на гладких и чистых сердцах их, как на некоторой бумаге или, лучше сказать, на духовных скрижалях, станем живописать божественные слова или, вернее, божественные семена и начнем так.

3. Всех одаренных свободной волей Бог есть и жизнь, и спасение всех, верных и неверных, праведных и неправедных, благочестивых и нечестивых, бесстрастных и страстных, монахов и мирских, мудрых и простых, здравых и немощных, юных и престарелых, так как все без изъятия пользуются изливанием света, сиянием солнца и переменами воздуха; *несть бо лице-приятія у Бога* (Рим. 2, 11).

4. Нечестивый есть разумное и смертное создание, произвольно удаляющееся от жизни оной (Бога) и о Творце своем присносушем помышляющее как о несуществующем. Законопреступник есть тот, кто закон Божий содержит по своему злоумию и думает веру в Бога совместить с ересью противной. Христианин есть тот, кто, сколько возможно человеку, подражает Христу словами, делами и помышлениями, право и непорочно веруя во Святую Троицу. Бого-

²³ Степень – «ступень, степень» (церковнослав.). Преподобный Иоанн полагает 30 ступеней по Лестнице духовного восхождения – 30 наставлений, руководящих человека к высшей степени совершенства – небесной славе.

²⁴ В непрекословном.

любец есть тот, кто пользуется всем естественным и безгрешным и по силе своей старается делать добро. Воздержник – тот, кто посреди искушений, сетей и молвы всей силой ревнует подражать нравам свободного от всего такого. Монах есть тот, кто, будучи облечен в вещественное и бренное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных. Монах есть тот, кто держится одних только Божиих словес и заповедей во всяком времени, и месте, и деле. Монах есть всегдешнее понуждение естества и неослабное хранение чувств. Монах есть тот, у кого тело очищенное, чистые уста и ум просвещенный. Монах есть тот, кто, скорбя и болезнуя душой, всегда памятует и размышляет о смерти и во сне, и во бдении. Отречение от мира есть произвольная ненависть к веществу, похваляемому мирскими, и отвержение естества для получения тех благ, которые превыше естества.

5. Все, усердно оставившие житейское, без сомнения, сделали это или ради будущего Царствия, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу. Если же они не имели ни одного из сих намерений, то удаление их из мира было безрассудное. Впрочем, добрый наш Подвигоположник ожидает, каков будет конец их течения.

6. Исшедший из мира для того, чтобы избавиться от бремени грехов своих, да подражает тем, которые сидят над гробами вне города, и да не перестает изливать теплые и горячие слезы, и да не прерывает безгласных рыданий сердца до тех пор, пока и он не увидит Иисуса, пришедшего и отвалившего от сердца камень ожесточения, и ум наш, как Лазаря, от уз греховных разрешившего, и повелевшего слугам Своим, Ангелам: *Разрешите его* от страстей и *оставите его* *ити* (Ин. 11, 44) к блаженному бесстрастию. Если же не так, то (от удаления из мира) не будет ему никакой пользы.

7. Когда хотим выйти из Египта и бежать от фараона, то и мы имеем необходимую нужду в некоем Моисее, то есть ходатае к Богу и по Боге, который, стоя посреди деяния и видения, воздевал бы за нас руки к Богу, чтобы наставляемые им перешли море грехов и победили Амалика страстей²⁵. Итак, прельстились те, которые, возложив упование на самих себя²⁶, сочли, что не имеют нужды ни в каком путеводителе, ибо исшедшие из Египта имели наставником Моисея, а избежавшие из Содома – Ангела²⁷. И одни из них, то есть исшедшие из Египта, подобны тем, которые с помощью врачей исцеляют душевные страсти, а другие подобны желающим совлечься нечистоты окаянного тела, потому они и требуют помощника – Ангела, то есть равноангельного мужа, ибо по гнилости ран потребен для нас и врач весьма искусный.

8. Покусившимся с телом взойти на небо, поистине потребны крайнее понуждение и непрестанные скорби, особенно в самом начале отречения, доколе сластолюбивый наш нрав и бесчувственное сердце истинным плачем не претворятся в боголюбие и чистоту. Ибо труд, поистине труд и большая сокровенная горесть неизбежны в сем подвиге, особенно для нерадивых, доколе ум наш, сей яростный и сластолюбивый пес, через простоту, глубокое безгневие и прилежание не сделается целомудренным и люборассмотрительным. Впрочем, будем благодушны, страстные и изнемогающие; немощь нашу и душевное бессилие несомненной верой, как десной рукой, представляя и исповедуя Христу, непременно получим помощь Его, даже сверх нашего достоинства, если только всегда будем низводить себя в глубину смиренномудрия.

9. Всем приступающим к сему доброму подвигу, жестокому и тесному, но и легкому, должно знать, что они пришли ввергнуться в огонь, если только хотят, чтобы в них вселился невещественный огонь. Посему каждый да искушает себя, и потом уже от хлеба жития иноческого, который с горьким зелием, да яст, и от чаши сей, которая со слезами, да пьет, да не в суд себе воинствует. Если не всякий, кто крестился, спасается, то... умолчу о последующем.

²⁵ Исх. 14, 15–27; 17, 9–13.

²⁶ У прп. Паисия Величковского: *самех себе предательствующихи*.

²⁷ Быт. 19, 1–26.

10. Приходящие к сему подвигу должны всего отречься, все презреть, всему посмеяться, все отвергнуть, чтобы положить им²⁸ твердое основание. Благое же основание, трехсоставное или трехстолпное, составляют незлобие, пост и целомудрие. Все младенцы во Христе да начинают с этих добродетелей, принимая в пример чувственных младенцев, у которых никогда ничего нет злобного, ничего льстивого, нет у них ни алчности неутолимой, ни ненасытного чрева, ни телесного разжжения; оно появляется уже впоследствии, с возрастом и, может быть, по умножении пищи.

11. Поистине достойно ненависти и бедственно, когда борющийся при самом вступлении в борьбу ослабевает, показывая этим верный признак близкого своего побеждения. От твердого начала, без сомнения, будет нам польза, если бы мы впоследствии и ослабели; ибо душа, бывшая прежде мужественной и ослабевши, воспоминанием прежней ревности, как острым орудием, бывает возбуждаема. Посему многократно некоторые воздвигали себя таким образом (от расслабления).

12. Когда душа, предательствуя сама себя, погубит блаженную и вожденную теплоту, тогда пусть исследует прилежно, по какой причине она ее лишилась, и на эту причину да обратит весь труд свой и все прилежание. Ибо прежнюю теплоту нельзя иначе возратить, как теми же дверьми, которыми она вышла.

13. Отрекшийся от мира из страха подобен фимиаму, который сперва благоухает, а после оканчивается дымом. Оставивший мир ради воздаяния подобен мельничному жернову, который всегда одинаково движется. А исшедший из мира по любви к Богу в самом начале приобретает *огонь*²⁹, который, быв ввержен в вещество, вскоре возжжет сильный пожар.

14. Некоторые кладут в строение кирпич поверх камня, другие утвердили столбы на земле, а иные, пройдя небольшую часть пути и разогрев жилы и члены, потом шли быстрее. Разумеющий да разумеет, что значит это гадательное слово^[a].

15. Как позванные Богом и Царем, усердно устремимся в путь, дабы нам, маловременным на земле, в день смерти не явиться бесплодными и не погибнуть от голода. Благоугодим Господу, как воины угождают царю. Ибо, вступивши в это звание, мы подлежим строгому ответу о служении. Убоимся Господа хотя так, как боимся зверей; ибо я видел людей, шедших красть, которые Бога не убоились, а услышав там лай собак, тотчас возвратились назад, и чего не сделал страх Божий, то успел сделать страх зверей. Возлюбим Господа хотя так, как любим и почитаем друзей; ибо я много раз видел людей, прогневавших Бога и нисколько о том не заботившихся, но те же самые, какой-нибудь малостью огорчив своих друзей, употребляли все искусство, выдумывали всякие способы, всячески изъясляли им свою скорбь и свое раскаяние и лично, и чрез иных, друзей и родственников, приносили извинения и посылали оскорбленным подарком, чтобы только возратить прежнюю их любовь.

16. В самом начале отречения, без сомнения, с трудом, понуждением и горестью исполняем добродетели, но, преуспев, перестаем ощущать в них скорбь или ощущаем, но мало. А когда плотское мудрование наше будет побеждено и пленено усердием, тогда совершаем их уже со всякой радостью и ревностью, с вождением и божественным пламенем.

17. Сколько похвальны те, которые с самого начала со всей радостью и усердием совершают заповеди, столько достойны жалости те, которые, долго пребывая в иноческом обучении, еще с трудом совершают, хотя и совершают, подвиги добродетелей.

18. Не будем презирать или осуждать и такие отречения, которые бывают по обстоятельствам; ибо я видел бывших в бегстве, которые, нечаянно встретившись с царем, против своего желания пошли вслед его и, войдя с ним в чертог, воссели вместе с ним за трапезу. Видел я, что семя, нечаянно упавшее на землю, принесло изобильный и прекрасный плод, как и против-

---

²⁸ Т. е. подвигом.

²⁹ Ср.: Лк. 12, 49.

ное сему случается. Опять видел я человека, который пришел во врачебницу не за тем, чтобы лечиться, а по некоторой другой потребности, но, привлеченный и удержанный ласковым приемом врача, он освободился от мрака, лежавшего на его очах. Таким образом, и невольное в некоторых было тверже и надежнее, чем произвольное в других.

19. Никто не должен, выставя тяжесть и множество грехов своих, называть себя недостойным монашеского обета и ради своего сладострастия мнимо унижать себя, вымышляя извинения в грехах своих (Пс. 140, 4). Ибо, где много гнилости, там нужно и сильное врачевание, которое очистило бы скверну, а здоровые не поступают в больницу.

20. Если бы земной царь позвал нас и пожелал бы нас поставить в служение пред лицом своим, мы не стали бы медлить, не извинялись бы, но, оставив все, усердно поспешили бы к нему. Будем же внимать себе, чтобы, когда Царь царствующих и Господь господствующих и Бог богов зовет нас к небесному сему чину, не отказаться по лености и малодушию и на великом Суде Его не явиться безответными. Может ходить и тот, кто связан узами житейских дел и попечений, но неудобно; ибо часто и те ходят, у которых железные оковы на ногах, но они много претыкаются и получают от этого язвы. Человек неженатый, а только делами связанный в мире подобен имеющему оковы на одних руках, а потому, когда он ни пожелает, может невозбранно прибегнуть к монашескому житию; женатый же подобен имеющему оковы и на руках и на ногах.

21. Некоторые люди, нерадиво живущие в мире, спросили меня, говоря: «Как мы, живя с женами и оплетаясь мирскими попечениями, можем подражать житию монашескому?» Я отвечал им: «Все доброе, что только можете делать, делайте: никого не укоряйте, не окрадывайте, никому не лгите, ни перед кем не возносите, ни к кому не имейте ненависти, не оставляйте церковных собраний, к нуждающимся будьте милосердны, никого не соблазняйте, не касайтесь чуждой части³⁰, *будьте довольны оброки жен ваших* (Лк. 3, 14). Если так будете поступать, то не далеко будете от Царствия Небесного».

22. С радостью и страхом приступим к доброму сему подвигу. Не будем бояться врагов наших, ибо они взирают на лицо нашей души, хотя сами и невидимы, и когда заметят, что оно изменилось от боязни, тогда сии коварные яростнее вооружаются против нас, зная, что мы утрастились. Итак, вооружимся против них благодушно, ибо с мужественным борцом никто бороться не смеет.

23. Господь по особенному промыслу Своему облегчил брани для новоначальных, чтобы они при самом начале не возвратились тотчас же в мир. Итак, радуйтесь всегда о Господе, все рабы Божии, видя в этом первый знак любви Господней к вам и что Он Сам вас призвал. Впрочем, знаем, что Бог часто и другим образом поступает, то есть когда Он видит мужественные души, то с самого начала попускает на них брани, желая их скоро увенчать. Но от живущих в мире Господь утаил неудобство или, лучше сказать, удобство сего поприща, ибо если бы они это знали, то никто не отрекался бы от мира.

24. Усердно приноси Христу труды юности твоей – и возрадуешься о богатстве бесстрастия в старости, ибо собираемое в юности питает и утешает изнемогших в старости. Юные! Потрудимся ревностно, потечем трезвенно, ибо смерть неизвестна. Мы имеем врагов лукавых и злых, коварных, пронырливых, держащих огонь в руках и желающих сжечь храм Божий тем самым пламенем, который в нем³¹, врагов сильных и никогда не спящих, невещественных и невидимых. Итак, никто из юных не должен слушать враждебных бесов, когда они внушают ему, говоря: «Не изнуряй своего тела, чтобы не впасть в болезнь и немощи». Ибо едва ли найдется кто-нибудь, особенно в настоящем роде, решившийся умертвить свое тело, хотя иной и лишает себя многих и сладких яств; намерение же бесов в этом случае состоит в том, чтобы

---

³⁰ В старом пер. [XVIII в.]: *не прикасайтесь к чуждому ложу*.

³¹ Т. е. пламенем собственных его страстей.

и самое вступление наше в подвиг сделать слабым и нерадивым, а потом и конец сообразным началу.

25. Желаящие истинно работать Христу прежде всего да приложат старание, чтобы при помощи духовных отцов и собственным рассуждением избрать себе приличные места и образы жизни, пути и обучения; ибо не для всех полезно общежитие по причине сластолюбия, и не все способны к безмолвию по причине гнева^[6], но каждому должно рассматривать, какой путь соответствует его качествам.

26. Все житие монашеское содержится в трех главных устройствах и образах подвига: или в подвижническом уединении и отшельничестве; или в том, чтобы безмолвствовать с одним и, много, с двумя; или, наконец, в том, чтобы терпеливо пребывать в общежитии. *Не уклонися*, – говорит Екклесиаст, – *ни на десно, ниже на шуе* (Притч. 4, 27), но путем царским иди. Средний из этих образов жизни многим приличен, ибо тот же Екклесиаст говорит: *Горе единому*, ибо если он *падет* в уныние, или в сонливость, или в леность, или в отчаяние, то нет человека *воздвигнути его* (Еккл. 4, 10). *А идеже еста два, или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их*, – сказал Господь (Мф. 18, 20).

27. Итак, кто есть инок верный и мудрый? – Кто горячность свою сохранил неугасимой и даже до конца жизни своей не переставал всякий день прилагать огонь к огню, горячность к горячности, усердие к усердию и желание к желанию.

Первая степень. Вступивший на нее не обращайся вспять.

Степень 2

О беспристрастии, то есть отложении попечений и печали о мире

1. Кто истинно возлюбил Господа, кто истинно желает и ищет будущего Царствия, кто имеет истинную скорбь о грехах своих, кто поистине стяжал память о вечном мучении и Страшном Суде, кто истинно страшится своего исхода из сей жизни, тот не возлюбит уже ничего временного, уже не по заботится и не попечется ни об имениях и приобретениях, ни о родителях, ни о славе мира сего, ни о друзьях, ни о братьях – словом, ни о чем земном; но, отложив все мирское и всякое о нем попечение, еще же и прежде всего возненавидев самую плоть свою, наг и без попечений и лености последует Христу, непрестанно взирая на небо и оттуда ожидая себе помощи по слову святого, сказавшего: *Прильпе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9), и по изречению иного приснопамятного: *Аз же не утрудихся, последуй Тебе, и дне, или покоя, человека не пожелах*, Господи (Иер. 17, 16).

2. Великий стыд нам, оставившим все вышеозначенное, после призвания, которым Господь, а не человек нас позвал, заботиться о чем-нибудь таком, что не может принести нам пользы во время великой нашей нужды, то есть во время исхода души. Сие-то значит, как Господь сказал, обратиться вспять и не быть управлену в Царствие Небесное. Господь наш, зная удобопопозновенность нашу в новоначалии и что мы, живя и обращаясь с мирскими, легко можем опять возвратиться в мир, сказавшему: *Повели мне пойти погребсти отца моего*, говорит: *Остави мертвыя погребсти своя мертвецы* (Лк. 9, 59–60).

3. Бесы по отречении нашем от мира внушают нам ублажать милостивых и сострадательных из мирян, а себя окаивать³², как лишивших себя таковых добродетелей. Намерение же сих врагов наших – то, чтобы через ложное смирение или в мир возвратить нас, или, если останемся в монашестве, низринуть нас в отчаяние. Иное дело по высокомерию своему уничижать живущих в мире, а иное – в удалении от них осуждать их, с тем чтобы избежать отчаяния и стяжать надежду спасения.

4. Итак, услышим, что Господь сказал юноше оному, по видимому³³ исполнившему все заповеди³⁴: «Единогo ти недостает – продать имение и раздать нищим и самого себя сделать нищим, приемлющим милостыню от других» (Лк. 18, 22).

5. Все желающие с пламенным усердием проходить подвиг (иночества), рассмотрим внимательно, как Господь всех пребывающих в мире и живых назвал мертвыми, сказав некоему: «Оставь мертвым, то есть мирянам, умершим в суеи мирской, погребать мертвых телом» (Лк. 9, 60). Богатство нисколько не препятствовало оному юноше приступить ко крещению. Посему напрасно некоторые думают, что Господь ради крещения повелевал ему продать богатство. Этого свидетельства Христова да будет довольно для совершенного уверения нас в величайшей славе монашеского звания.

6. Должно исследовать, почему живущие в мире и пребывающие во бдениях, в постах и злостраданиях, когда по удалении из мира приступают к монашескому житию как к месту испытания и подвижническому поприщу, не проходят уже прежнего своего подвига, ложного и притворного. Видел я весьма многие и различные растения добродетелей, насаждаемые мирскими людьми и как бы от подземного стока нечистоты напаяемые тщеславием, окапываемые самохвальством и утучняемые навозом похвал, но они скоро засохли, когда были пересажены

---

³² Окаивать – признавать нечестивым, отверженным.

³³ По видимому – здесь в значении «зримо», «внешне», «с виду».

³⁴ В пер. XVIII в.: *все почти заповеди исполнившему*.

на землю пустую, недоступную для мирских людей и не имеющую смрадной влаги тщеславия. Ибо любящие влагу растения не могут приносить плода в сухих и безводных местах.

7. Если кто возненавидел мир, тот избежал печали. Если же кто имеет пристрастие к чему-либо видимому, то еще не избавился от нее, ибо как не опечалиться, лишившись любимой вещи? Хотя во всем нужно нам иметь великое трезвение, но прежде прочего должно в этом отношении наиболее быть разумно внимательными. Я видел многих в мире, которые чрез попечения, заботы, занятия и бдения телесные избегали неистовства своего тела, но, вступивши в монашество и обеспеченные здесь по всему, жалким образом осквернялись от плотского движения³⁵.

8. Будем внимать себе, чтобы, думая идти узким и тесным путем, в самом деле не блуждать по пространному и широкому. Узкий путь будет тебе показан утеснением чрева, всенощным стоянием, умеренным питием воды, скудостью хлеба, очистительным питием бесчестия, принятием укоризн, осмеяний, ругательств, отсечением своей воли, терпением оскорблений, безропотным перенесением презрения и тяготы досаждений. Когда будешь обижен – терпеть мужественно; когда на тебя клеветают – не негодовать; когда уничают – не гневаться; когда осуждают – смиряться. Блаженны ходящие стезями показанного здесь пути, *яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 3–12).

9. Никто увенчанным не войдет в небесный чертог, если не совершит первого, второго и третьего отречения. Первое есть отречение от всех вещей, и человек, и родителей; второе есть отречение своей воли; а третье – отвержение тщеславия, которое следует за послушанием. *Изыдите от среды их и отлучитесь, и нечистоте мира не прикасайтесь, глаголет Господь* (2 Кор. 6, 17). Ибо кто из мирян сотворил когда-нибудь чудеса? Кто воскресил мертвых? Кто изгнал бесов? – Никто. Все это – победные почести иноков, и мир не может вместить оных; если же бы мог, то к чему было бы монашество и удаление из мира?

10. Когда бесы по отречении нашем начнут распалать наше сердце воспоминанием о родителях и сродниках наших, тогда вооружимся против них молитвой и воспалением себя памятью о вечном огне, чтобы воспоминанием об оном угасить безвременный огонь нашего сердца.

11. Если кто думает, что не имеет пристрастия к какой-нибудь вещи, а, лишившись ее, печалится сердцем, то вполне прельщает самого себя.

12. Юные, расположенные к плотской любви и чрево-угождению, если захотят вступить в монашество, должны обучать себя в нем со всяким трезвением и вниманием и понуждать себя удаляться от всякого наслаждения и лукавства, чтобы последнее не было для них горше первого (Мф. 12, 45). Сие пристанище бывает причиной и спасения, и бед; это знают переплывающие сие мысленное море. Но жалкое зрелище, когда спасшиеся в пучине претерпевают потопление в самом пристанище.

Степень вторая. Текущий да бежит, подражая Лоту, а не жене его.

---

³⁵ Потому что не имели приличного труда и должного охранения.

Степень 3

О странничестве, то есть уклонении от мира

1. Странничество есть невозвратное оставление всего, что в отечестве сопротивляется нам в стремлении к благочестию. Странничество есть дерзновенный нрав, неведомая премудрость, необъявляемое знание, утаеваемая жизнь, невидимое намерение, обнаруживаемый помысл, хотение уничтожения, желание тесноты, путь к божественному вожделению, обилие любви, отречение от тщеславия, молчание глубины.

2. Вначале обыкновенно, как бы огнем божественным, сильно и продолжительно беспокоит любителей Господних помысл об удалении от своих, желанием худости и тесноты побуждающий к оному любителей такового добра. Но сколь велик и достохвален сей подвиг, столь великого и рассуждения требует; ибо не всякое странничество, предпринимаемое в крайней степени, есть добро³⁶.

3. Если всякий пророк *без чести* в своем отечестве, как сказал Господь (Мф. 13, 57), то должно остерегаться, чтобы уклонение от мира не было нам поводом к тщеславию. Ибо странничество есть отлучение от всего с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучной с Богом. Странник есть любитель и делатель непрестанного плача. Странник есть тот, кто избегает всякой привязанности как к родным, так и к чужим.

4. Поспешая к жизни уединенной, или странничеству, не дожидайся миролюбивых³⁷ душ, ибо тать приходит нечаянно. Многие, покусившись спасти вместе с собой нерадивых и ленивых, и сами вместе с ними погибли, когда огонь ревности их угас со временем. Ощутивши пламень, беги, ибо не знаешь, когда он угаснет и оставит тебя во тьме. О спасении других не все подлежим ответу, ибо божественный апостол говорит: *Темже убо кийждо нас*, братие, *о себе слово даст Богу* (Рим. 14, 12). И опять: *Научая инаго, себе ли не учиши?* (Рим. 2, 21). Как бы сказал: все ли должны мы пещись о других, не знаю, о самих же себе всячески должны мы заботиться.

5. Странничествуя, остерегайся праздносчитающегося и сластолюбивого беса, ибо странничество дает ему³⁸ повод искушать нас.

6. Хорошо беспристрастие, а матерь его есть уклонение от мира. Устранившийся всего ради Господа не должен уже иметь никакой связи с миром, дабы не оказалось, что он скитается для удовлетворения своим страстям.

7. Устранившись мира, не прикасайся к нему более, ибо страсти удобно опять возвращаются.

8. Ева невольно изгоняется из рая, монах же добровольно выходит из своего отечества, ибо та снова пожелала бы вкусить от древа преслушания, а сей непременно подвергся бы беде от сродников по плоти.

9. Тех мест, которые подают тебе случай к падению, убегай, как бича, ибо когда мы не видим запрещенного плода, то не так сильно его и желаем.

10. Да не скроется от тебя и следующая хитрость и лесь невидимых врагов: они советуют нам не отлучаться от мирских, внушая, что мы получим великую награду, если, видя женский пол, будем себя удерживать. Но не должно им в этом покоряться, а делать противное их внушению.

11. Когда мы, на год или на несколько лет удалившись от своих родных, приобретем малое некоторое благоговение, или умиление, или воздержание, тогда суетные помыслы, при-

---

³⁶ Или потому, что предпринимается самонадеянно и дерзновенно, или выше сил и возможности.

³⁷ Любящих мир.

³⁸ Так в греч., а также в пер. XVIII в.; в оптинском изд. *уму* – вероятно, ошибка.

ступивши, побуждают нас опять идти в отечество для назидания, говорят, и примера, и пользы многих, видевших некогда наши беззаконные дела. А если мы еще богаты даром слова и имеем сколько-нибудь духовного разума, тогда уже как спасителям душ и учителям советуют они нам возвратиться в мир, с тем чтобы мы благополучно собранное в пристанище бедственно расточили в пучине. Постараемся подражать Лоту, а не жене его; ибо душа, обратившись туда, откуда вышла, уподобится соли, потерявшей силу, и сделается неподвижной. Беги из Египта невозвратно, ибо сердца, обратившиеся к нему, не увидели Иерусалима, то есть земли бесстрастия. Хотя тем, которые вначале, ради младенченственности духовной, оставили своих и успели совершенно очиститься, и можно с пользою возвратиться к ним в том намерении, чтобы, как сами спаслись, так спасти и некоторых из ближних. Впрочем, Моисей Боговидец, и Самим Богом посланный на спасение единоплеменного рода, претерпел многие беды в Египте, то есть помрачения³⁹ в мире.

12. Лучше оскорбить родителей, нежели Господа, потому что Сей и создал, и спас нас, а те часто погубляли своих возлюбленных и подвергали их вечной муке.

13. Странник тот, кто везде с разумом пребывает, иноязычный среди иноязычного народа. Мы удаляемся от близких наших или от мест не по ненависти к ним (да не будет сего), но избегая вреда, который можем от них получить. Как во всех благих делах, так и в сем учителем нашим есть Сам Христос; ибо видим, что и Он многократно оставлял родителей по плоти, и когда некоторые сказали: *Мати Твоя и братия Твоя ищут Тебе* (Мк. 3, 32), благий наш Господь и Учитель тотчас показал бесстрастную ненависть к ним, сказавши: *Мати Моя и братия Моя суть творящие волю Отца Моего, Иже есть на небесех* (Мф. 12, 49–50).

14. Да будет отцом твоим тот, кто может и хочет потрудиться с тобой для свержения бремени твоих грехов, а матерью – умиление, которое может омыть тебя от скверны; братом – сотрудник и соревнитель в стремлении к горнему; сожительницу неразлучную стяжи – память смерти; любезными чадами твоими да будут сердечные воздыхания; рабом да будет тебе тело твое, а друзей приобретай в Небесных Силах, которые во время исхода души могут быть полезными для тебя, если будут твоими друзьями. *Сей есть род* (то есть сродство) *ищущих Господа* (Пс. 23, 6).

15. Любовь Божия угашает любовь к родителям, а кто говорит, что он имеет ту и другую, обманывает сам себя, ибо сказано: *Никто же может двема господинома работати* (Мф. 6, 24), и проч. *Не приидох*, – говорит Господь, – *мир воврещи на землю* (Мф. 10, 34), то есть мир между родителями и их сынами и братьями, желающими Мне работать, но брань и меч, чтобы боголюбивых отлучить от миролюбивых, вещественных от невещественных (плотских от духовных), славлюбивых от смиренномудрых. Ибо Господь веселится о разделении и разделении, бывающем из любви к Нему.

16. Берегись, берегись, чтобы за пристрастие к возлюбленным тобой родственникам все у тебя не явилось как бы объатым водами и чтобы ты не погиб в потоке миролюбия. Не склоняйся на слезы родителей и друзей, в противном случае будешь вечно плакать. Когда родственники окружают тебя, как пчелы, или, лучше сказать, как осы, оплакивая тебя, тогда немедленно обрати душевные очи твои на смерть и на дела (твои)⁴⁰, чтобы тебе можно было отразить одну скорбь другой. Сии наши, или, лучше, не наши, лукаво обещаются сделать для нас все, что мы любим; намерение же их то, чтобы воспрепятствовать доброму нашему стремлению, а потом уже привлечь нас к своей цели.

17. Удаляясь от мира, мы должны избирать для жительства места, лишённые случаев к утешению и тщеславию и смиренные, если же не так, то мы действуем по страсти.

³⁹ В пер. XVIII в.: печалей туманы.

⁴⁰ В греч.: τὰς πράξεις. У прп. Паисия Величковского: деяния. В новогреч. пер. Афанасия Критского: на суд Божий*

18. Утаевай благородство свое и не величайся своей знатностью, чтобы не оказался ты один на словах, а другой – на деле.

19. Никто в такой мере не предавал себя странничеству, как тот великий⁴¹, который услышал: *Изыди от земли твоя, и от рода твоего, и от дому отца твоего* (Быт. 12, 1), и притом был призываем в иноплеменную и варварскую землю.

20. Иногда Господь много прославляет того, кто сделался странником по примеру сего великого. Но хотя сия слава и от Бога дается, однако ее хорошо отвращать щитом смирения.

21. Когда бесы или люди будут хвалить нас за странничество как за великий подвиг, тогда помыслим о Том, Который ради нас снисшел на землю в виде странника, и найдем, что мы воздать за сие во веки веков не можем.

22. Пристрастие к кому-нибудь из родственников или из посторонних весьма вредно, оно может мало-помалу привлечь нас к миру и совершенно погасить огонь нашего умиления. Как невозможно одним глазом смотреть на небо, а другим на землю, так невозможно не подвергнуться душевным бедствиям тому, кто мыслями и телом не устранился совершенно от всех своих родственников и неродственников.

23. Добрый и благоустроенный нрав приобретается многим трудом и подвигом, но можно в одно мгновение потерять то, что было приобретено и многим подвигом. *Тлят бо обычаи благи беседы злые* (1 Кор. 15, 33), мирские и непристойные. Кто по отречении от мира обращается с мирскими людьми или близ них пребывает, тот, без сомнения, или осквернит сердце помышлением о них, или впадает в их дела и сети, или, хотя не оскверняясь, но осуждая оскверняющихся, и сам с ними осквернится.

О сновидениях, бывающих новоначальным

24. Нельзя скрыть того, что понятие ума нашего весьма несовершенно и всячески исполнено неведения. Потому что гортань различает снеди, слух распознает мысли, при взгляде на солнце оказывается⁴² немощь очей, а неразумие души обнаруживают слова. Но закон любви понуждает и на то простираться, что выше силы. Итак, я думаю (впрочем, не утверждаю), что после слова о странничестве, и даже в самом этом слове, должно сказать несколько о сновидениях, чтобы нам знать и о сем коварстве злохитрых наших врагов.

25. Сновидение есть движение ума при неподвижности тела. Мечтание есть обман очей в усыплении мысли. Мечтание есть исступление ума при бодрствовании тела. Мечтание есть видение того, чего нет.

26. Причина, по которой мы после предшествовавшего слова решились говорить о сновидениях, очевидна. Когда мы, ради Господа оставив свои дома и родственников, предаем себя отшельнической жизни из любви к Богу, тогда бесы стараются возмущать нас сновидениями, представляя нам сродников наших или сетующих, или за нас в заключении держимых и другие напасти терпящих. Посему кто верит снам, тот подобен человеку, который бежит за своей тенью и старается схватить ее.

27. Бесы тщеславия – пророки в снах. Будучи пронырливы, они заключают о будущем из обстоятельств и возвещают нам оно, чтобы мы по исполнении сих видений удивились и, как будто уже близкие к дарованию прозрения, вознеслись мыслью. Кто верит бесу, для тех он часто бывает пророком, а кто презирает его, перед теми всегда оказывается лжецом. Как дух, он видит случающееся в воздушном пространстве и, заметив, например, что кто-нибудь умирает, он предсказывает это легковерным через сновидение. Бесы о будущем ничего не знают по предвидению, но известно, что и врачи могут нам предсказывать смерть.

---

⁴¹ Ветхозаветный патриарх Авраам.

⁴² Открывается, обнаруживается.

28. Бесы многократно преобразуются в Ангелов света и в образ мучеников и представляют нам в сновидении, будто мы к ним приходим, а когда пробуждаемся, то исполняют нас радостью и возношением. Сие да будет тебе знаком прелести, ибо Ангелы показывают нам муки, Страшный Суд и разлучения, а пробудившихся исполняют страха и сетования. Если станем покоряться бесам в сновидениях, то и во время бодрствования они будут ругаться над нами. Кто верит снам, тот вовсе не искусен, а кто не имеет к ним никакой веры, тот любомудр. Итак, верь только тем сновидениям, которые возвещают тебе муку и суд, а если приводят тебя в отчаяние, то и они от бесов.

Сия третья степень, равночисленная Святой Троице. Вступивший на нее да не озирается ни на десно, ни на лево (Втор. 5, 32).

Степень 4

О блаженном и приснопамятном послушании

1. По порядку при лично нам предложить теперь слово о подвижниках и страдальцах Христовых, ибо как всякий плод предваряется цветом, так всякому послушанию предшествует уклонение от мира телом или волей. Двумя сими добродетелями (то есть уклонением от мира и отвержением своей воли) преподобное послушание, как златыми крылами, безленостно восходит на небо, и, может быть, о сих-то крылах некоторый духоносец воспел: *Кто даст ми криле яко голубине? и полещу* деянием, *и почию* (Пс. 54, 7) в видении и смирении.

2. Не преминем, если угодно, изъяснить в этом слове и самый образ воинствования сих мужественных ратников: как они держат щит веры к Богу и к своему наставнику, отвращая им, так сказать, всякий помысл неверия и переходение⁴³ (в другое место); и, всегда вознося меч духовный, убивают им всякую собственную волю, приближающуюся к ним, и, будучи одеты в железную броню кротости и терпения, отражают ею всякое оскорбление, уязвление и всякие стрелы. Имеют они и шлем спасения – молитвенный покров своего наставника; ногами же своими не стоят совокупленно, но одну простирают на служение, а другую имеют неподвижно на молитве.

3. Послушание есть совершенное отречение от своей души, действиями телесными показуемое; или, наоборот, послушание есть умерщвление членов телесных при живом уме. Послушание есть действие без испытания, добровольная смерть, жизнь, чуждая любопытства, беспечалие в бедах, неуготовляемое пред Богом оправдание⁴⁴, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих. Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения... Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает ни в добром, ни во мнимомудом, ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его⁴⁵. Послушание есть отложение рассуждения и при богатстве рассуждения.

4. Начало умерщвления и душевной воли, и членов тела бывает прискорбно, середина иногда бывает с прискорбием, иногда без прискорбия, а конец – уже без всякого ощущения и возбуждения скорби. Тогда в скорби и болезни сердечной бывает сей блаженный и живой мертвец, когда увидит, что исполняет свою волю, ибо страшит его бремя собственного осуждения.

5. О вы, которые решились вступить на поприще сего мысленного исповедничества; вы, которые хотите взять на выю свою иго Христово; вы, которые отселе желаете сложить бремя свое на выю другого; которые стремитесь добровольно продать себя в рабство, чтобы в замену одного получить истинную свободу; вы, которые переплываете великую сию пучину, будучи поддерживаемы руками других! Знайте, что вы покусились идти путем кратким, хотя и жестоким, на котором одна только есть стезя, вводящая в заблуждение, она называется самочинием. Кто совершенно отвергся самочиния и в том, что он почитает добрым, духовным и богоугодным, тот уже достиг цели прежде, нежели вступил в подвиг, потому что послушание есть неверование себе самому во всем добром, даже до конца жизни своей.

6. Когда мы в намерении и разуме смиренномудрия желаем покорить себя ради Господа и без сомнения вверить спасение наше иному, то еще прежде вступления нашего на сей путь, если мы имеем сколько-нибудь пронизательности и рассуждения, должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача – на больного, вместо бесстрастного – на человека, обладаемого

---

⁴³ В пер. XVIII в.: *все неверности и переменчивостей помыслы*.

⁴⁴ В пер. XVIII в.: *нечаянное от Бога защищение*.

⁴⁵ Т. е. отец, через послушание умертвивший в нем страстную волю.

страстями, вместо пристани – в пучину и таким образом не найти готовой погибели. Но по вступлении на поприще благочестия и повиновения уже отнюдь не должны мы испытывать или судить в чем-нибудь доброго нашего наставника и судию, хотя, может быть, в нем, как в человеке, и увидим некоторые малые согрешения. Если же не так, то, сделавшись сами судьями, не получим никакой пользы от повиновения.

7. Желающим соблюдать всегда несомненную веру к наставникам необходимо нужно незабвенно и неизгладимо хранить в сердце своем их добродетели, с тем чтобы воспоминанием об оных заградить уста бесам, когда они станут в нас всевать к ним неверие, ибо сколько вера цветет в сердце, столько и тело успеваает в служении; а кто преткнулся о камень неверия, тот уже пал, ибо всячески, *еже не от веры, грех есть* (Рим. 14, 23). Когда помысл склоняет тебя испытать или осудить твоего наставника, как от блуда, отскочи от оногo, не давай сему змию никакого послабления, ни места, ни входа, ни приступа, но говори ему: «О прелестник! Не я над наставником, а он надо мной получил суд, не я его, а он мой судья».

8. Отцы псалмопение называют оружием, молитву – стеной, непорочные слезы – умывальницей, а блаженное послушание назвали исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа.

9. Послушник сам на себя произносит суд, потому что если он совершенно повинуется ради Господа, то хотя он и не думает, что совершенно послушен, но от суда своего (то есть обличений совести) освобождается; если же он в чем-нибудь исполняет свою волю, то хотя ему и будет казаться, что он повинуется, однако сам несет свое бремя⁴⁶. Впрочем, хорошо бы было, если бы наставник не переставал обличать его; если же он умолкнет, то не знаю уж что и сказать об этом. В простоте повинующиеся ради Господа благополучно совершают путь свой, не навлекая на себя коварства бесов своими тонкими исследованиями⁴⁷.

10. Прежде всего исповедуем⁴⁸ доброму судии нашему согрешения наши наедине, если же повелит, то и при всех, ибо язвы объявляемые не преуспевают⁴⁹ на горшее, но исцеляют.

О разбойнике покающемся

11. Пришедши в некоторое общежитие, видел я страшное судилище доброго судии и пастыря. В мою бытность там случилось, что один разбойник пришел, изъявляя желание вступить в монашество. Превосходный пастырь оный и врач велел ему семь дней пользоваться совершенным покоем и только рассматривать устройство обители. По прошествии седьмого дня пастырь призывает его и спрашивает наедине: желает ли он остаться с ними жить? И, увидев, что он со всей искренностью согласился, опять спрашивает его, что он сделал худого, живя в мире? Разбойник немедленно и со всем усердием исповедал ему все грехи свои. Тогда пастырь, искушая его, сказал: «Хочу, чтобы ты объявил все это перед всем братством». Он же, истинно возненавидевши грех свой и презревши весь стыд, не колеблясь обещался исполнить сие, говоря: «Если хочешь, то сделаю это даже посреди Александрии». Тогда пастырь собрал в церковь всех своих овец, которых было триста тридцать, и во время совершения Божественной литургии (ибо день был воскресный) по прочтении Евангелия повелел ввести сего непорочного осужденника. Некоторые из братии влекли его и слегка ударяли, руки были у него связаны назад; он был одет в волосяное вретиче, и голова его была посыпана пеплом, так что от одного этого зрелища все ужаснулись и воскликнули с плачем, ибо никто не знал, что все это значит. Потом, когда он был близ святых дверей, священный оный и человеколюбивый судия воззвал к

---

⁴⁶ По др. пер. [XVIII в.]: *почувствует обременение совести*. Т. е. не может иметь того спокойствия духа, каким пользуются истинно повинующиеся.

⁴⁷ В пер. XVIII в.: *чрез любопытство о настоятелевых повелениях*.

⁴⁸ В греч., а также в пер. XVIII в. – в повелит. Наклонения: *исповедаим*.

⁴⁹ В пер. XVIII в.: *не растроятся*.

нему громким голосом: «Остановись, ибо ты недостойн войти сюда». Пораженный исшедшим к нему из алтаря гласом пастыря (ибо, как он после с клятвой уверял нас, ему казалось, что он слышит гром, а не голос человеческий), разбойник пал на землю, трепеща и весь потрясен был страхом. Когда он, таким образом повергшись на землю, омочил помост слезами, тогда сей чудный врач, который всеми мерами устраивал его спасение и всем подавал образ спасения и действительного смирения, повелел ему объявлять пред всеми подробно все сделанные им беззакония; и он с трепетом исповедал один за другим все возмутительные для слуха грехи свои, не только плотские, по естеству и против естества сделанные с людьми и животными, но и чародеяния, и убийства, и другие злодеяния, которые не следует ни слышать, ни придавать писанию. Тотчас после сей исповеди пастырь повелел его постричь и причислить к братии.

12. Удивляясь премудрости сего преподобного, я спросил его наедине, для чего он употребил столь странный образ покаяния? «По двум причинам, – отвечал сей истинный врач. – Во-первых, для того, чтобы исповедавшегося настоящим посрамлением избавить от будущего, что и сбылось, ибо он, брате Иоанне, не прежде встал с помоста, как получивши прощение всех согрешений. И не сомневайся в этом, ибо один из братьев, присутствовавших при сем, уверял меня, что он видел некоторого страшного мужа, державшего исписанную бумагу и трость, и как только лежащий выговаривал какой-нибудь грех свой, то он тростью своей изглаждал его. Да и справедливо, ибо Давид говорит: *Рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5). Во-вторых, как в числе братьев моих есть и такие, которые имеют согрешения неисповеданные, то я хотел сим примером побудить их к исповеданию, без которого никто не может получить прощение».

13. Видел я и другое многое достойное удивления и памяти у достославного одного пастыря и в пастве его, и большую часть из этого постараюсь вам сообщить. Ибо я немалое время находился у них, рассматривая их образ жизни, и весьма удивлялся, видя, как сии жители земли подражали небожителям.

14. Они были связаны друг с другом неразрывным союзом любви, и, что еще удивительнее, при такой любви они были чужды всякой вольности и празднословия, прежде же всего обучались тому, чтобы не уязвить чем-нибудь совести брата. Если же в ком обнаруживалась ненависть к брату, то пастырь отсылал такого, как преступника, в особый монастырь. Некогда один брат оклеветал перед ним ближнего, сей преподобный тотчас повелел его выгнать, говоря, что не должно допускать быть в обители двум диаволам, то есть видимому и невидимому.

15. Видел я у сих преподобных отцов дела поистине полезные и удивительные: братство, собранное и связанное о Господе, имевшее чудное деяние и видение, ибо они так упражняли сами себя и обучали божественным добродетелям, что почти не имели нужды в напоминании настоятеля, но добровольно возбуждали друг друга к божественной бдительности. У них были установлены и навыком утверждены некоторые преподобные⁵⁰ и божественные обычаи. Например, если случалось, что кто-нибудь из них в отсутствие предстоятеля⁵¹ начинал укорять или осуждать кого-нибудь или вообще праздно словить, то другой брат неприметным мановением напоминал ему о бесчинии и удерживал его; если же тот не вразумлялся, тогда напоминавший, сделав поклон, удалялся. Когда нужно было беседовать, то память смерти и помышление о вечном суде были всегдашними предметами их разговоров.

16. Не премину сказать вам о преславнейшей добродетели тамошнего повара. Видя, что он в своем служении имеет непрестанное умиление и слезы, я просил его открыть мне, каким образом он сподобился сей благодати? Будучи убежден моей просьбой, он отвечал: «Я никогда

⁵⁰ Т. е. святые.

⁵¹ В греч.: *настоятеля*; в пер. XVIII в.: *начальника*.

не помышлял, что служу людям, но Богу; я счел себя недостойным никакого безмолвия и, смотря на огонь сей, непрестанно вспоминаю о вечном пламени».

17. Послушаем и о другой преславной добродетели тамошних отцов. Блаженные сии и во время трапезы не прекращали умного делания, но некоторыми обычными у них тайными знаками напоминали друг другу о внутренней молитве, и делали это не только на трапезе, но и при всякой встрече друг с другом, и при всяком собрании.

18. Если же кому-нибудь из них случалось пасть в какой-нибудь проступок, то братия убедительно просили его сложить на них все попечение по сему случаю – и ответ пред пастырем, и наказание. Посему и великий сей муж, зная об этом делании своих учеников, назначал уже легчайшие наказания, будучи уверен, что наказываемый не виноват; даже он и не изыскивал, кто из них подлинно впал в проступок.

19. Как могло иметь у них место празднословие или кощунство? Если кто-нибудь из них начинал распрю с ближним, то другой брат, тут случившийся, делал поклон и тем укрощал их гнев. Когда же замечал в них памятозлобие, то объявлял о раздоре второму по настоятеле, и тот приводил их к примирению прежде захождения солнца. А если они упорствовали в ожесточении, то им или запрещалось вкушать пищу до примирения, или они были изгоняемы из обители.

20. Сия достохвальная предосторожность наблюдалась у них не напрасно, но приносила и оказывала⁵² обильный плод, ибо многие между сими преподобными просияли как деятельной жизнью, так и рассмотрительностью, рассуждением и смиренномудрием. У них можно было видеть чудное и ангелоподобное зрелище: украшенные сединами и священнолепные старцы, как дети, притекали к послушанию и имели величайшей похвалой свое смирение. Там видел я мужей, пребывавших в послушании лет по пятидесяти, которых я просил сказать мне, какое утешение получили они от такого труда. Одни из них говорили, что низошли в бездну смиренномудрия, которым навек всякую брань отразили, а другие сказывали, что достигли совершенного неощущения и безболезненности в укоризнах и досадах.

21. Видел я и других между сими приснопамятными, украшенных белизной ангеловидной, которые пришли в состояние глубочайшего незлобия и простоты упремудренной, произвольной и богоисправленной. Ибо как лукавый человек есть нечто двойственное, один по наружности, а другой по сердечному расположению, так простой – не двойственен, но есть нечто единое. Простота же оных отцов была не безрассудная и несмысленная по примеру старых людей в мире, которых называют выжившими из ума. По наружности они всегда были кротки, приветливы, веселы, и слова и нрав их были непритворны, непринужденны и искренни, что не во многих можно найти. Внутри же, в душе, они, как незлобивые младенцы, дышали Богом и наставником своим и на бесов и на страсти взирали твердым и строгим оком ума.

22. Времени жизни моей не достанет мне, о священный пастырь и боголюбивое собрание, на описание добродетелей и небоподражательного жития сих блаженных отцов. Однако слово наше к вам лучше украсить повествованием об их подвигах и тем возбудить вас к богоугодной ревности, нежели наполнять оное собственными моими наставлениями, ибо без всякого прекословия худшее украшается лучшим. Только не думайте, прошу вас, чтобы мы написали здесь что-нибудь вымышленное, ибо от неверия обыкновенно всякая польза теряется. Но возвратимся к продолжению нашего слова.

Об Исидоре

23. Некоторый муж по имени Исидор, из князей города Александрии, за несколько лет перед сим отрекшись от мира, удалился в сию обитель. Всепреподобный пастырь оный, приняв

---

⁵² Т. е. показывала, обнаруживала.

его, заметил, что он весьма коварен, суров, зол и горд. Посему премудрейший сей отец покушается человеческим вымыслом преодолеть бесовское коварство и говорит Исидору: «Если ты истинно решился взять на себя иго Христово, то хочу, чтобы ты прежде всего обучился послушанию». Исидор отвечал ему: «Как железо кузнецу, передаю себя тебе, святейший отче, в повиновение». Тогда великий отец, утешенный сим уподоблением, немедленно назначает учительный подвиг сему железному Исидору⁵³ и говорит: «Хочу, чтобы ты, истинный брат, стоял у ворот обители и всякому входящему и исходящему человеку кланялся до земли, говоря: помолись обо мне, отче, я одержим злым духом». Исидор так послушался своего отца, как Ангел Господа. Когда же провел семь лет в этом подвиге и пришел в глубочайшее смирение и умиление, тогда приснопамятный отец, после семилетнего законного искуса и беспримерного Исидорова терпения, пожелал его, как достойнейшего, причислить к братии и сподобить рукоположения. Но он много умолял пастыря как чрез других, так и чрез меня, немощного, чтобы ему позволили там же и тем же образом оканчивать подвиг, неясно намекая сими словами на то, что кончина его приближается и что Господь призывает его к Себе, что и сбылось. Ибо когда учитель оный оставил его в том же состоянии, он по прошествии десяти дней чрез бесславие свое со славой отошел ко Господу, а в седьмой день после успения своего взял ко Господу и привратника оной обители. Блаженный говорил ему при жизни: «Если я получу дерзновение ко Господу, то ты вскоре и там неразлучен со мною будешь». Так и случилось в достовернейшее доказательство непостыдного сего⁵⁴ послушания и богоподражательного смирения.

24. Спросил я великого сего Исидора, когда он еще был в живых: какое во время пребывания его у ворот ум его имел делание? Достопамятный сей, желая оказать мне пользу, не скрыл от меня этого. «Вначале, – говорил он, – я помышлял, что продал сам себя в рабство за грехи мои, и потому со всякой горестью, самонасилием и кровавым понуждением делал поклоны. По прошествии же года сердце мое уже не ощущало скорби, ожидая от Самого Господа награды за терпение. Когда минул еще один год, я уже в чувстве сердца стал считать себя недостойным и пребывания в обители, и видения отцов, и зрения на лица их, и причащения Святых Таин и, поникши очами долу, а мыслью еще ниже, уже искренно просил входящих и исходящих помолиться обо мне».

О Лаврентии

25. Когда я однажды сидел за трапезой с великим сим настоятелем, он приклонил святые уста свои к моему уху и сказал: «Хочешь ли, я покажу тебе в глубочайшей седине божественное мудрование?» Я просил его об этом, и преподобный отец позвал от второй трапезы инока по имени Лаврентий, который около сорока восьми лет жил в той обители и был вторым соборным пресвитером. Он пришел и, поклонившись игумену до земли, принял от него благословение. Но когда встал, то игумен ничего не сказал ему, а оставил его стоять перед трапезою не евши, обед же только начинался. Так он стоял с час или два, и мне стало уже стыдно взглянуть на лицо сего делателя, ибо он был совершенно седой, имея уже восьмидесятый год от роду. Он стоял таким образом без привета и ответа, пока обед не кончился, а когда встали, то преподобный послал его к вышеупомянутому великому Исидору сказать ему начало тридцать девятого псалма⁵⁵.

26. Я же, как лукавейший, не упустил случая испытать сего старца и спросил его, о чем он помышлял, стоя перед трапезой. Он отвечал: «Представляя себе пастыря во образе Христа, я никогда не помышлял, что получаю повеления от него, но от Бога. Посему и стоял я, отче

⁵³ По-греч. «железо» – *σίδηρος*; так что здесь выходит созвучие слов, в переводе не передаваемое: *τῷ σιδήρῳ Ἰσιδώρῳ*.

⁵⁴ В пер. XVIII в.: *его*.

⁵⁵ *Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39, 1).

Иоанне, не как перед трапезой человеческой, но как перед жертвенником Божиим и молился Богу, и по вере и любви моей к пастырю я не имел против него никакого лукавого помышления. Ибо некто сказал: *Любы... не мыслит зла* (1 Кор. 13, 4–5). Впрочем, и то знай, отче, что, если кто предал себя простоте и добровольному незлобию, в том лукавый уже не находит себе места ни на мгновение».

Об экономе

27. Каков был, помощью Божией, тот пастырь словесных овец, такого и эконома послал ему в обитель праведный Господь, ибо он был целомудрен, как никто другой, и кроток, как весьма немногие. Однажды великий старец для пользы прочих притворно на него разгневался и приказал выслать его из церкви прежде времени. Зная, что он невинен в том, в чем пастырь обличал его, я, будучи наедине с сим великим, оправдывал перед ним эконома. Но премудрый муж отвечал мне: «И я знаю, отче, что он не виноват, но как несправедливо и жалко было бы вырвать хлеб из уст голодного младенца, так и наставник душ делает вред и себе, и подвижнику, если не подает ему случаев к приобретению венцов, какие он, по его примечанию, может на всякий час заслуживать перенесением досад, бесчестий, унижений и поруганий. От этого происходит троякий и весьма важный вред: во-первых, что сам настоятель лишается награды, которую получил бы за благонамеренные выговоры и наказания; во-вторых, что мог бы добродетелью одного доставить пользу другим, но этого не сделал; третий же и самый тяжкий вред состоит в том, что часто и сии самые, кажущиеся мужественными и терпеливыми, бывши оставлены на время, и, как утвердившиеся в добродетели, не получая уже от настоятеля ни обличений, ни поношений, лишаются снисканной кротости и терпения. Ибо хотя земля сия и добра, и тучна, и плодоносна, но при недостатке воды бесчестия она дичает и производит терние кичения, блуда и бесстрашия. Зная сие, великий апостол писал к Тимофею: *Настой, обличи, запрети им благовременно и безвременно* (2 Тим. 4, 2)».

28. Когда же я противоречил, представляя истинному оному наставнику немощь рода нашего и то, что, может быть, многие по причине напрасного или ненапрасного взыскания могут отторгнуться от паствы, тогда сей исполненный премудрости муж сказал: «Душа, привязавшаяся ради Христа любовью и верой к пастырю, не отступает от него даже до крови, особенно же если она получила чрез него исцеление своих язв, памятуя сказавшего: *Ни Ангели, ни начала, ниже силы... ни ина тварь кая возможет нас различити от любви Христовой* (Рим. 8, 38–39). Если же душа не привязалась таким образом, не утвердилась, не прилепилась, то удивляюсь, если таковой человек не тщетно пребывает на сем месте, будучи соединен с пастырем притворным и ложным повиновением». И действительно, сей великий муж не обманулся в своем мнении, но и удержал овец в своей пастве, и наставил, и привел к совершенству, и принес Христу как непорочные жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.